

Олег Сивирин

Пушка

Из документально-художественного цикла
«Закопанная война – Одесса 1941-1944»

...В детстве я часто гостил у бабушки с дедушкой, живших на маленьком степном хуторке в пятидесяти километрах к северу от Одессы. Волею судьбы моя бабушка Елизавета, родившаяся в Одессе и рано потерявшая маму, вынуждена была в период революционных волнений 1917-го года с отцом переехать в дом мацехи, жившей в Одесском уезде и владевшей здесь земельными десятинами. В вихре следовавших при новой власти событий быстро повзрослев и обзаведясь семьей, бабушка так и осталась здесь на всю жизнь. В детстве у меня, городского ребенка, это место жительства, оторванное от современного мира, вызывало множество мучительных вопросов: почему «деревня называется хутором», и здесь все, даже не знакомые люди, со мной здороваются, и главное, почему бабушка с дедушкой «так далеко живут»? Хутор Касьяны, безнадежно затерявшийся в Коминтерновском районе Одесской области, действительно был «не от мира сего», он как будто шагнул в реальность прямо с картинки XIX столетия: десяток аккуратно выбеленных хат, разбросанных вдоль одной улицы – грунтовой дороги, пролегшей по склону балки, пара колодцев еще дореволюционной постройки, фруктовые садики, ухоженные огороды. Замершую картинку вечности оживляли лишь пасущиеся вдоль балки коровы и гуляющие без присмотра гуси и куры. Сюда никогда не ходил рейсовый автобус, а электричество появилось только в середине 1960-х годов. В школу детям приходилось добираться по степи в соседнее село, расположенное в трех километрах от хутора. Столько же нужно было пройти, что-

бы купить что-то в сельском магазине. В период дождей и снегопадов связь хутора с внешним миром надолго обрывалась.

Повзрослев, я, конечно же, совсем по-другому посмотрел на эту безлюдную местность и буквально влюбился в исторически сложившуюся обособленность хутора, делающего его самобытным «необитаемым островком» сельской жизни. Влюбился в окружающую хутор первозданную природу и созданный трудолюбивыми руками быт, в его вольные уходящие за горизонт просторы и в слепленные здесь вареники с вишней. Не пропали эти чувства и теперь, когда, с запоем копаясь в истории облюбованной моими предками местности, приходится наблюдать печальную картину уже засохших садов, заброшенных огородов и безнадежно покосившихся нескольких оставшихся хат умирающего хутора. А тогда, в детстве, из-за этой отдаленности хутора всеми правдами и неправдами я старался увильнуть от поездок, выпадавших, как правило, на выходной день. Нужно было очень рано просыпаться в воскресенье – единственный тогда выходной день в школе, затем ехать час в шумном переполненном, а потому медленно едущем автобусе, а потом еще «целых три километра» идти по степи пешком, и зачастую, особенно весной, по непролазной грязи. Вернувшись домой вечером, нужно было еще готовить школьное домашнее задание. В общем, я сопротивлялся, как мог. До определенного момента. Имелась у родителей на этот счет одна «домашняя заготовка», которая действовала безотказно, вмиг наполняя меня желанием ехать куда угодно. «Завтра у бабушки покажем тебе ствол от немецкой пушки...» – слышал я желанные слова и в сладостном по-детски наивном предвкушении чуда ожидал завтрашнего дня. Историю про немецкую пушку, которую разобрал после войны мой дед, я слышал с раннего детства. Правда, семейные предания не наделяли эту историю особым значением – так, нехотя что-то периодически рассказывали. И только я при удобном случае снова и снова просил еще раз рассказать про «дедушкину пушку».

Когда мы приезжали утром на хуторок, как-то так получалось, что сразу, с утра, для папы находились разные неотложные дела. Нужно было наколоть или напилить дров, вскопать огород, что-то перестроить, что-то перенести. В эти сельские хлопоты неза-

метно с детским усердием, как мог, вовлекался и я, совсем не замечая стремительно пролетавшего времени воскресного дня. Это и неудивительно: вырвавшись из тесноты городских многоэтажек и попав в мир необъятного для меня простора, я хотел просто побегать в степи, поглазеть на диковинных птиц, на обитавших здесь зайцев и сусликов, полазить по деревьям и в разваленных домиках. В этих поездках делал я и свои первые фотографии подаренным мне родителями на десятилетие фотоаппаратом «Агат-18». Вдоволь набегавшись и наигравшись, попутно хорошо пообедав, к концу дня я уже должен был возвращаться домой.

Так повторялось не один раз. Обещанный просмотр ствола немецкой пушки по разным причинам постоянно откладывался. Проходило какое-то время – и все повторялось вновь. Снова приходило воскресенье. Снова рано просыпаться и ехать... Снова – «не хочу!». Снова – «смотреть ствол от немецкой пушки...». И снова я с удовольствием еду. При этом предпринятые несколько раз родителями попытки увлечь меня в поездку «рыбалкой на местной ставке» желанного эффекта не приносили.

Почему меня так манил кусок ржавого железа? Особый интерес к военной истории в те годы у нас, мальчишек, помимо других «мирных» забав и увлечений составлял неотъемлемую часть нашего детского мира. Живя рядом с местами, где в 1941 году проходили ожесточенные сражения, мы день за днем открывали для себя неведомый нам мир прошедшей войны. И это была не какая-то «мертвая история» из учебника, составленная из скучных цифр и дат, а самая что ни есть живая и настоящая, лежащая у нас прямо под ногами, до которой всегда можно было дотронуться детской рукой. Ржавые осколки и каски, котелки с нацарапанными фамилиями бойцов и патроны, в которых еще не успел отсыреть порох, который вопреки всем запретам чарующе пылал и дымил, источая для нас, любознательных, незабываемый едкий запах войны. Все это было «эхом войны» – горевшим, стрелявшим, взрывающимся где-то очень близко от нас. И иногда эта близость, связывающая нас с войной, была, по ощущениям, в состоянии вытянутой руки – когда можно было из откопанной стеклянной фляги, закрытой резиновой пробкой в 1941 году, хлебнуть оставленную в ней бойцом воду. И вкус воды 41-го мало чем

отличался от вкуса колодезной воды 83-го. Как будто боец набрал воду в эту флягу только вчера... Прямо здесь же, на полях, лежали растаскиваемые из года в год тракторами останки бойцов. Все это невидимыми нитями привязывало нас к этому кусочку настоящей войны и рождало чувство какой-то запретной сопричастности к произошедшим здесь когда-то событиям.

Единственное, чего нам тогда недоставало в этих местах, были танки, пушки и самолеты. О таких находках мы могли только по-детски наивно мечтать, придумывая на этот счет разные небывлицы вроде стоящего где-то в посадке подбитого танка или упавшего самолета. На фоне детских грез обладание настоящей немецкой пушкой, пусть даже пока незримой, тогда считалось делом особой гордости. И с этим трудно спорить даже сейчас. Ну, у кого еще из моих сверстников дедушка «привез с войны» настоящую немецкую пушку? Одноклассники и соседские приятели кто с завистью, кто с недоверием слушали мои рассказы о дедушкиной пушке, засыпая вопросами. Что я мог им рассказать? Оставалось только пересказывать услышанное. Вот поэтому помню, в какие бы города Советского Союза я не ездил с родителями в те годы – Минск, Ленинград, Севастополь, Киев, снова Ленинград, – везде просил повести меня в какой-то военный музей, где среди разнообразия военных экспонатов очень хотел хоть краешком глаза увидеть – какая она, настоящая немецкая пушка. И вот однажды в августе 1983 года в Севастополе передо мной предстали сразу пять или шесть немецких трофейных пушек. Все они стояли у подножья Сапун-горы. «Какую из них разобрал мой дед?» – деловито и с гордостью строил я среди железных монстров свои догадки и чисто по-детски, инстинктивно, остановил свой выбор на самой большой, крупнокалиберной. Тогда мне, тринадцатилетнему, почему-то казалось так: если уж разбирал мой дед пушку, то непременно самую большую.

Учась в старших классах, я стал ездить в деревню все реже и реже и про немецкую пушку уже не вспоминал. И даже стал ловить себя на мысли: а существовала ли вообще эта пушка?

Шли годы, сначала не стало дедушки, через несколько лет умерла бабушка. Ездить стало не к кому. О прежних поездках напоминали лишь несколько десятков сделанных мной в детстве

черно-белых снимков. Разглядываю теперь застывшие на бумаге мгновенья с особыми чувствами, словно заново все переживаю: беззаботно хожу по своим детским тропинкам, греюсь у теплой печи в снежную зиму и замороженно гляжу в усеянное неисчислимыми звездами ночное летнее небо. Все это осталось на фотоснимках и в доброй памяти, а в действительности тропинка теперь чаще всего вела на сельское кладбище, которое мы стараемся посещать в поминальные дни. Как-то в один из таких визитов, когда я разговаривал со знакомым арендатором, основавшим некогда свое фермерское хозяйство на хуторе, рассказывая о злободневном, он упомянул о повальном воровстве металла: «Снимают детали с техники, обрывают провода... У соседки ночью украли части от пушки...». Слова об уже подзабытой пушке, давно ставшей неким призраком из детства, в мгновенье всколыхнули во мне тот мальчишеский задор и любопытство, заставлявшие когда-то учащенно биться детское сердце. Вот так – просто и неожиданно через много лет я наконец-то смог встретиться со своей детской мечтой. При этом спрашивая теперь самого себя: неужели, лишь для чтобы стать молчаливым свидетелем того, как пушку, вернее, уже то, что от нее осталось, постигла печальная участь – сгнить где-то среди железного хлама в одном из сельских пунктов сбора металлолома? Ведь в моих руках оказалась «наследственная» вещь, не только хранившая в себе дорогую для меня часть истории моей семьи, но и редкая военная реликвия, которой по праву мог бы гордиться любой военный музей. И как за всякой реликвией, за ней тянулся многолетний шлейф особой, видимой и потаенной истории, в которой почему-то очень хотелось разобраться.

* * *

...Вернувшись в 1946 году с войны, мой дед Иван сразу начал как-то обустривать свое приусадебное хозяйство. Нехватка элементарных стройматериалов в послевоенные годы была обычным явлением. Многие города лежали в руинах, и здесь, на отдаленном хуторе, в дело шло все, что было под рукой: глина, песок, солома... Камень разбирали из брошенных еще с граждан-

Хуторской двор. Здесь более шестидесяти лет хранилась разобранная по частям пушка
Фото 2007 года

ской войны домиков. Тогда каждый мужчина, демобилизованный воин, вернувшийся со страшной войны живым, не искалеченным физически – с целыми руками и ногами, старался что-то построить, перестроить, обновить. Природная смекалка и мастеровитость заставили тогда моего деда обратить внимание на ржавеющее в балке третий год немецкое орудие. Как ни глянь на пушку – каждая ее часть хорошее подспорье в хозяйстве: двойной бронешит – первоклассные листы металла, станины – добротные трубы... Тянуть целую пушку к себе во двор он не стал, а начал разбирать ее прямо в балке по частям, а затем уже перевозить и сразу использовать в дворовых постройках. Вывинченный тяжеленный ствол, притянутый во двор с помощью пары запряженных волов, стал балкой перекрытия для нового погреба. Бронелисты щита, состоявшие из двух частей, в умелых руках превратились в надежное покрытие нового погреба. Массивная казенная часть от пушки стала наковальней в летней мастерской. Трубчатые станины были распилены на две части: одна часть превратилась в «душник» (вентиляционную трубу погреба), вторая приспособлена просто под столб во дворе, на который натягивались веревки для сушки белья. Всякая скрученная мелочь – гай-

ки, болты, шайбы – пополнили запасы ремонтной мастерской колхоза.

В середине 1950-х годов семья в полном составе, с тремя детьми, переехала в новый дом, построенный для всей семьи моим прадедом здесь же, на хуторе Касьяны. Переезжая на новое место, расположенное в полукилometре от прежнего, дед не стал сразу забирать крупногабаритные части пушки, рассудив, что поселившись сюда соседям нужно будет пользоваться погребом. Да и вопрос со стройматериалами к этому времени уже как-то решался. Камень-ракушечник в достаточном количестве люди могли приобретать в каменоломнях в селе Булдынка.

Деревянные балки и другие необходимые для строительства материалы можно было приобрести в сельпо на железнодорожной станции Кремидовка. Наряду с использованием привозной красной черепицы, вытеснившей с домов и сараев покрытие из соломы и камыша, местные умельцы наладили производство собственной. В сбитую из дерева фигурную форму заливали раствор, приготовленный из песка, цемента и глины. Сделанное в 1950-е годы покрытие из самодельной черепицы надежно служило до начала 80-х годов и появления на хуторе шифера.

Новая семья к частям пушки, вмонтированным в погреб, тоже относилась по-хозяйски. Когда пришло время перестраивать старый погреб, для частей пушки нашли другое применение. Бронешит, состоящий из двух одинаковых частей, о которых из-за их размаха и изгиба местные, разводя руки в разные стороны, говорили: «Они – как крыла», – стали служить изгородью и кры-

Иван Тимофеевич Сивирин – человек, который из частей немецкой пушки построил погреб
Фото из семейного архива автора

шей места, где хранился уголь. Оставшиеся трубчатые части пушки разных размеров в количестве шести штук были установлены в качестве связующих столбиков нового деревянного забора. Ствол от пушки был горизонтально вкопан с прикрепленной к нему дверцей над ямой, в которой стали разводить кролей. Вентиляционная труба из станины осталась служить в этом же качестве, но уже в новом, перестроенном погребе, так же, как и вторая часть станины осталась столбом во дворе, только теперь кроме бельевых веревок к ней были привязаны еще несколько проволок, поддерживающих телевизионную антенну и накренившееся от старости абрикосовое дерево.

В 1990-е годы на хуторе Касьяны жилими оставались только четыре дома. В 2000-х – один дом с одной жительницей. Умиравший хуторок стал местом современного мародерства. С заброшенных домов снимался старый шифер и черепица, из стен выбивался камень, но основным предметом интереса были изделия из металла. Кровати, бидоны, трубы, проволока, посуда – все забиралось без разбора. Так, несколько лет назад были украдены нижний бронелист, «люлька», детали лафета и другие части пушки...

* * *

По характерным формам сохранившихся деталей орудия сразу удалось определить вид и название – это была немецкая 75-мм противотанковая пушка PaK-40, выпускавшаяся в годы войны немецким заводом «Rheinmetall» (*Rhein* – чистый *Metall* – металл (нем.)). Предприятие было основано 13 апреля 1889 года инженером и предпринимателем Хайнрихом Эрхардом в Дюссельдорфе и с тех пор всегда специализировалось на выпуске военной продукции. В 1920-40-е годы производственная деятельность завода «Rheinmetall» была хорошо известна в военно-промышленных кругах СССР. В конце 1920-х годов одно из подразделений «Rheinmetall» в обход жестких условий Версальского мирного договора, запрещавшего заводам Германии (Веймарской республики) разрабатывать и производить новые виды танков, дирижаблей, подводных лодок и другого вооружения, создала тяжелый танк, проходивший по документам как Grosstraktor

(Большой трактор), который в рамках временного сотрудничества Рейхсвера и Красной Армии проходил испытания в СССР на учебном танковом полигоне «Кама» под Казанью.

В 1930-е годы в режиме строгой секретности «Rheinmetall» активно участвует в модернизации советской артиллерии. Об этом сотрудничестве, немного приоткрывая завесу секретности, пишет в книге «Бог войны Третьего Рейха» Александр Широкоград, чей дед Василий Дмитриевич в 1930-е годы работал приемщиком техники в советском торгпредстве в Германии. В частности, автор в книге приводит уникальный документ, в котором говорится, что 6 августа 1930 года начальник Государственного оружейно-орудийно-пулеметного объединения «товарищ Будак» и руководитель созданной руководством «Rheinmetall» подставной фирмы «Бюро для технических работ и изучений» господин Гуго Фрейзенштейн заключили в Берлине договор о технической помощи. Согласно договору, «Rheinmetall» обязалась оказывать техническую помощь в организации производства в СССР шести видов артсистем, за что фирме должно было быть выплачено 1 миллион 125 тысяч долларов США. Одним из ключевых пунктов договора было обязательство о неразглашении условий сделки. Производство артсистем в СССР фирма «Rheinmetall» начала уже в 1931 году на заводе № 8 в подмосковной деревне Подлипки. Сотрудничество продолжилось и в последующие годы. В конце мая 1937 года в СССР на «завод № 8» из Германии в условиях особой секретности была доставлена модернизированная 37-мм пушка PaK-35/36. Так была принята на вооружение Красной Армии противотанковая пушка, но уже под советским наименованием: «37-мм противотанковая пушка образца 1930 года».

В конце 1930-х годов, в разгул реальной и мнимой шпиономании в СССР, «Rheinmetall» в числе других известных немецких концернов и фирм, таких, как «Siemens» («Сименс») и «Zeiss» («Цейс»), фигурирует в документах о «враждебных происках империалистических разведок». В изданной Министерством обороны СССР в 1974 году «Истории второй мировой войны 1939-1945» во втором томе пишется: «...В 1936 году органами госбезопасности была раскрыта крупная резидентура германской разведки, состоявшая, в основном, из немецких специалистов – служащих

фирмы «Рейнметалл». Агенты вели подготовку к взрыву некоторых военных заводов».

Поэтому совсем не случайно этот известный в 30-х годах немецкий производитель военной техники нашел свое небольшое отражение даже в современном историческом кинотворчестве. Известный российский режиссер Никита Михалков в фильме «Утомленные солнцем – 2» («Предстояние») вложил в уста прибывшего на фронт кремлевского курсанта-отличника теоретическое знание о немецком военном производстве. Готовясь к выстрелу (бронебойным снарядом) прямой наводкой по немецкому танку, курсант командует: «...Не надо выше, – ниже, между башней, – это «Рейнметалл!»». И эта фраза в контексте того времени звучит вполне логично и исторически достоверно.

В 1930-40-е годы наряду с концерном «Krupp» «Rheinmetall» основной создатель и производитель вооружения в Германии. Среди наиболее известной продукции концерна можно вспомнить создание одной из самых мощных 600-мм мортир «Карл». Всего их было выпущено шесть единиц, и в военной истории СССР они приобрели печальную известность своим участием в осадах Брестской крепости в 1941 году и Севастополя в 1942 году. По некоторым данным, фирма также принимала участие в проектировании и изготовлении опытных образцов башни индекса «Е» для тяжелого танка «Тигр». Самый массовый пулемет Вермахта – MG-34, винтовка для воздушно-десантных частей FG-42/1, ноу-хау того времени – изогнутый ствол-насадка для винтовок, автоматов и карабинов с целью безопасной стрельбы из закрытых позиций: траншей, из-за углов зданий, а также зенитные орудия FlaK и артиллерийские орудия PaK разных калибров – все это была продукция «Rheinmetall».

В ряду «семейства ПаКов» – 75-миллиметровая противотанковая пушка PaK-40, которую беззастенчиво буквально по винтикам разобрал мой дед, была одной из лучших пушек своего класса во второй мировой войне. Достаточно сказать, что на ее основе позднее была разработана 75-мм танковая пушка KwK-42 для одного из прототипов новейшего среднего танка «Пантера». Как выяснилось, история создания PaK-40 началась еще в конце 1930-х годов. По одной из версий, проектирование пушки

было поручено сразу двум «пушечным» фирмам, «Rheinmetall» и «Krupp». В 1940 году из двух прототипов был выбран опытный образец, изготовленный «Rheinmetall» (индекс «40» в названии пушки обозначает год постройки первого образца). Удача выбора этого проекта впоследствии была подтверждена в ходе боев: пушка PaK-40 сделалась самым массовым противотанковым орудием Вермахта периода второй мировой войны. Новая пушка могла вести борьбу со всеми типами танков Красной Армии и ее союзников. И в первую очередь, с советскими средним танком Т-34 и тяжелым KV, встреча с которыми после вторжения Германии в СССР в 1941 году и послужила основным толчком для ускоренной доработки PaK-40 и пуска ее в серийное производство. Стоимость изготовления одной пушки составляла 12000 рейхсмарок. В феврале 1942 года первые пятнадцать пушек поступили в войска...

Достаточно подробно устройство пушки PaK-40 описывает упоминавшийся выше исследователь немецкой артиллерии Александр Широкопад. Орудие имело ствол-моноблок, состоящий из трубы с двухкамерным дульным тормозом, поглощавшим значительную часть энергии отдачи, и казенника, надетого на

Пушка PaK-40 на боевой позиции. Военная миниатюра (диорама)
Работа Олега Сивирина

трубу и укрепленного на ней соединительной муфтой. Вес ствола с затвором составлял 470 килограммов. Для защиты расчета пушка имела верхнее и нижнее щитовое покрытие. Верхний щит состоял из двух броневых листов толщиной 5 миллиметров каждый (расстояние между листами – 25 мм). Нижний щит толщиной в 10 миллиметров крепился к нижнему станку, и одна его половина могла откидываться на петлях. Общий вес щита составлял 110 килограмм. Лафет с раздвижными трубчатыми станинами обеспечивал угол горизонтального обстрела до 58°. Весили откатные части 480 килограмм. Для транспортировки система пушки имела подрессорные колеса со сплошными резиновыми шинами и пневматические походные тормоза, управление которыми осуществлялось из кабины тягача или автомобиля. Для передвижения силами расчета (так орудие двигалось дульной частью вперед) пушка имела направляющее колесо. Направление движения орудия с помощью специального рычага осуществлял один номер расчета. Кроме колесного лафета пушки РаК-40 устанавливались на самоходных артиллерийских установках «Мардер» I, II и III, а также на транспортерах «RSO» и гусеничных тягачах. Всего за годы войны было выпущено 23303 пушки. И вот одна из этих РаК-40 закончила свой боевой путь весной 1944 года в небольшой балке в пятидесяти километрах севернее Одессы.

* * *

На первый взгляд, местонахождение немецкой пушки вдали от важных коммуникаций и крупных населенных пунктов выглядит абсолютно бессмысленно. И сначала даже казалось, что по прошествии стольких лет найти ответ на эту ключевую для понимания военных событий загадку уже не представляется возможным. Но ответ, как это часто водится, нашелся совершенно неожиданно, после очередного посещения в балке места, где стояла пушка. Ключ к разгадке лежал прямо у меня под ногами. Сейчас уже не счесть, сколько раз приходилось мне проходить через эти поля, балки и посадки. Помню, в детские годы, проходя с родителями по грунтовой дороге, не раз слышал упоминания о какой-то большой старинной дороге, проходившей ранее

в этих местах. За эту исчезнувшую дорожную ниточку я и зацепился. На основе собранных материалов выяснилось, что эта дорожная артерия существовала с XIX столетия. На карте Одесского уезда 1890 года, составленной на основе трехверстной маршрутной карты генерального штаба, эта дорога обозначена как «уездная земская дорога», связывающая Одессу с Березовкой, по сути, проходя параллельно нынешней Старокиевской дороге. Помимо этого важное функциональное значение дороги можно отследить также по развитой инфраструктуре, расположенной на ее протяжении. Так, согласно справочному изданию 1896 года «Список населенных мест Херсонской губернии и статистические данные о каждом поселении», на 80-километровом отрезке рассматриваемой дороги находим два постоянных двора, пять лавок, одну винную лавку и две корчмы. Из личных краеведческих поисков по местам пролегания бывшей дороги могу дополнить инфраструктуру дорожной артерии еще одним уникальным объектом – каменным двухарочным мостиком. Сегодня затерявшийся в степи, «вросший» в русло когда-то протекавшей здесь реки и покрытый многолетними зарослями разнотравья старинный мостик хранит безмолвные свидетельства о некогда заботливом благоустройстве уездной земской дороги и подсказывает нам, что была определенная оживленность движения на данном маршруте. Дорога эта успешно функционировала и в годы войны. А некоторые участки этой старинной дороги, проходившей через хутор Касьяны и местное старое кладбище, сохранялись вплоть до 1970-х годов, а затем были распаханы.

В конце марта – начале апреля 1944 года эта дорога, как и другие, ведущие в направлении Одессы с севера, имела важное стратегическое значение для воюющих сторон. Задача находившихся севернее Одессы подразделений 6-й немецкой армии под командованием генерал-полковника Карла-Адольфа Холлидта состояла в удерживании продвижения наступавших частей 3-го Украинского фронта под командованием генерала Родиона Яковлевича Малиновского. Из многочисленной мемуарной литературы, рассказывающей о некоторых моментах освобождения северной части Одесской области, известно, что в целях обороны немцы, используя рельеф местности, вдоль дорог, балок и ли-

манов создавали опорные пункты. Более детальной информации о структуре, вооружении, численности оборонявшихся на этом участке войск противника практически ничего не известно. Поэтому наш самый надежный свидетель тех событий – это немецкая противотанковая пушка, привезенная в это место задолго до того, как немцы начали спешно покидать обжитые ими на хуторе хаты. Факты заблаговременного появления вблизи дороги именно противотанковой пушки объясняются и соответствующей теорией устройства немецкой обороны. «Во всех немецких уставах, памятках и указаниях по вопросам обороны сказано: «Всякая оборона должна быть, прежде всего, противотанковой...» – пишет в своей книге А. Широкопад. Стоит также особо отметить, что важным фактором во время военного противостояния в ходе Одесской наступательной операции были неблагоприятные погодные условия. Проливные дожди сменялись снежными бурями, оттепели чередовались с заморозками. «...Непрерывные дожди вновь окончательно вывели из строя и без того неважные грунтовые дороги. Опять подвоз всего необходимого войскам стал возможен лишь при помощи тракторов и вездеходов», – писал впоследствии маршал А.М. Василевский о начале наступления на Одессу. Таким образом, продвижение войск могло проходить исключительно по дорогам. Пусть раскисшим, но, по крайней мере, по ним могли двигаться танки и кавалерия, составлявшие главную ударную силу наступающих в направлении Одессы войск. Следовательно, и немцы, учитывая фактор весенней распутицы, ограничивающей фронт ожидаемого наступления, все основные оборонительные рубежи выстраивали вдоль дорог, ведущих на Одессу. На 28 марта 1944 года войска 3-го Украинского фронта в числе прочего насчитывали 435 танков и самоходных артиллерийских установок. Вот к встрече с этой техникой и готовились немцы, создавая опорные пункты и устанавливая на разных участках свои огневые точки, в том числе и противотанковые пушки.

...Когда немцы привезли и установили в балке пушку, жители хутора Касьяны несколько дней жили в постоянном страхе, думая, что вот-вот начнут стрелять по их домам. Между собой перешептывались: «Пушку поставили, чтобы люди боялись...».

На самом деле эта пушка (возможно, пушек было несколько, и они были установлены на разных участках дороги) была одним из элементов немецкой обороны, или так называемым «кочующим орудием», призванным обеспечивать прикрытие отхода главных сил. Спрятанная и замаскированная в балке, пушка ожидала появления советских танков. Тогда силами боевого расчета, численность которого составляла восемь человек, или при помощи гужевого транспорта, имевшегося по соседству на хуторе, пушка должна была занять временную огневую позицию.

Здесь будет уместно напомнить еще о нескольких немецких правилах по организации обороны: «Большое значение немцы придавали выбору оборонительной позиции. Основным требованием в этом случае была ее «танконедоступность», а наиболее выгодными дистанциями ведения огня по танкам из противотанковой пушки немцы считали 800-900 метров». Проведенный осмотр местности позволил установить как минимум две возможные позиции, откуда пушка могла вести эффективный огонь по целям, идущим на дороге. К сожалению, из-за того что эти места в 1960-е годы были распаханы и до сих пор обрабатываются, теперь затруднительно найти следы, оставшиеся от возможных подготовленных капониров. Правда, не исключено, что на возведение какой-либо долговременной полевой фортификации у расчета просто не хватило времени, и пушка могла просто перекатываться расчетом с одной открытой позиции на другую. С одной из предполагаемых открытых позиций хорошо просматривается участок исчезнувшей дороги в районе старого кладбища. Ориентиром проходившей по степи дороги тогда и сегодня может служить растущее на заброшенном погосте старое дерево. С другой открытой позиции пушка могла вести огонь уже с фланга по идущей на Одессу технике. К тому же, местоположение данной позиции в полной мере отвечало правилам так называемой «танконедоступности», обусловленной тем, что простреливаемый отсюда участок дороги проходил в низине, окруженный ставком и балками, заполненными дождевой водой, не оставляя возможности тяжелой технике проводить какие-то маневры на местности. Расстояние от предполагаемых боевых позиций до линии бывшей дороги на разных участках составила от 800 до 1000 мет-

ров. Согласно таблице эффективной дальности стрельбы пушки PaK-40, бронебойный снаряд «образца 39» (Pz.gr 39) с дистанций 915-1372 метров поражал броню толщиной соответственно в 94 и 83 мм. Подкалиберный снаряд с такого же расстояния пробивал броню в 96 и 80 мм. Скорострельность пушки PaK-40 составляла 12-14 выстрелов в минуту. Напомню о броне танка Т-34: лоб корпуса – 45 мм; борт корпуса – в разных частях от 40 до 45 мм; лоб башни – от 45 мм; борт башни – 45 мм. Как видно из проведенных выше расчетов, даже одна боевая единица могла стать серьезной огневой преградой на пути следования советских танков Т-34, составлявших основную силу наступавшей Конно-механизированной группы генерала И.А. Плиева.

Учитывая наличие в боекомплекте PaK-40 осколочно-фугасных снарядов и технических возможностей пушки вести стрельбу на дальность более восьми километров, не стоит исключать и готовность использования немцами пушки, в том числе и для поражения живой силы, с закрытой огневой позиции, то есть прямо из балки, где она была установлена.

Как бы там ни было, но до боевого применения этой пушки дело не дошло. Планы немецкого командования по блокированию подходов к Одессе с севера, где ожидалось продвижение основных сил 3-го Украинского фронта, были сорваны уже в первые дни апреля. Основной удар, согласно разработанному командованием фронта еще в середине марта и одобренного Ставкой Верховного командования плану, после освобождения Березовки был нанесен в направлении Раздельной (стратегически важного железнодорожного узла) и города Тирасполя, тем самым обхватывая Одессу с запада. Рейдовая операция КМГ И.А. Плиева, несмотря на погодные условия и оказываемое сопротивление, развивалась настолько стремительно, что, как вспоминал в книге «Незабываемый апрель» участник освобождения Одессы летчик 17-й Воздушной армии В.К. Черниевский, авиации приходилось помогать наступавшим на Раздельную танкистам, идущим тяжело нагруженными двойным комплектом боеприпасов, вязнувшим в грязи, а потому расходовавшим солянку выше всяких норм: «Нам, бомбардировщикам, вместе с транспортной авиацией По-2 приходилось каждый день сбрасывать им горючее на

парашютах». О первых итогах успешного прорыва к Раздельной пишет в книге «Версты мужества» и один из участников наступления, командир 5-й мотострелковой бригады полковник Н.И. Завьялов: «Конно-механизированная группа, прорвавшаяся и занявшая Раздельную 5 апреля 1944 года, разрешила фронт 6-й немецкой армии на две части на глубину в 130 километров, тем самым обхватив главные силы одесской группировки противника, насчитывающие до четырех армейских корпусов. Теперь все немецкие части, оказавшиеся севернее Одессы, опасаясь окружения, вынуждены были спешно отводить войска на запад». Положение для отступавших немецких частей усугублялось тем, что на этом участке началось наступление с севера – со стороны Березовки, и с востока, где, форсировав Тилигульский лиман, также перешли в наступление стрелковые дивизии 3-го Украинского фронта.

Таким образом, противотанковая пушка PaK-40, установленная около хутора Касьяны, находившегося в 36 километрах южнее занятой 1 апреля Березовки и в 14 километрах западнее Тилигульского лимана, как огневая точка утратила свой стратегический смысл. Советские танки пошли на Раздельную... Здесь же, судя по доносившейся канонаде, со дня на день должны были появиться передовые части 5-й Ударной и 6-й армий, наступавших на этом участке фронта. Артиллерийский расчет, оказавшись под угрозой окружения и не имея времени и технических средств к транспортировке орудия по непролазной грязи, вынужден был бросить пушку в балке, – успев, однако, при этом вывести ее из строя, подорвав заряжающий механизм. Убегающие артиллеристы в духе немецкой педантичности исполнили свой последний долг, не допустив, чтобы исправное орудие попало в руки противнику. К тому же, за брошенное на поле боя исправное орудие их могло ждать суровое наказание. Взрыв был такой силы, что расколол основание мощного стального ствола. Эта трещина в стволе брошенного орудия сегодня наглядно передает нам из прошлого всю безысходность положения немцев, планировавших остановить наступление на Одессу.

Такая картина в ходе Одесской наступательной операции на степных просторах наблюдалась повсеместно. Полковник

Н.И. Завьялов, описывая в книге некоторые моменты апрельского наступления, передает общую атмосферу, царившую на поле боя в те дни: «Враг пытался оказать сопротивление на заранее подготовленных рубежах, но его отходящие войска не успевали занимать позиции, и под ударами КМГ, бросая сотни застрявших в грязи машин, повозок и орудий, откатывался по полевым дорогам на запад». И еще один красноречивый эпизод от этого же автора: «В одной из балок мы обнаружили семь брошенных 210-миллиметровых дальнобойных орудий и мощные тягачи к ним, застрявшие по кузов в грязи. Как было установлено, эти тяжелые орудия вели огонь по району Березовки».

Какого числа освободили хутор Касьяны, точно не известно. Такие крохотные населенные пункты просто незаметны, когда по соседству освобождают несколько десятков крупных сел. Теперь только по сводкам «Совинформбюро», ежедневно сообщавшего о занятии соседних населенных пунктов, можно вычислить дату. Сопоставив даты освобождения населенных пунктов, находящихся на пути следования к хутору Касьяны наступавших частей Красной Армии, а также даты освобождения находящихся по соседству сел, можно с уверенностью утверждать: хутор был освобожден 5 апреля 1944 года. Немцы и румыны, квартировавшие на хуторе, по воспоминаниям местных жителей, ушли за несколько дней до прихода Красной Армии. Исходя из этого, делаем вывод, что свою «нетранспортабельную» пушку немцы подорвали на отрезке времени между второй половиной дня 1 апреля и первой половиной дня 2 апреля. Каких-либо боев в окрестностях хутора не велось. А освобождение Касьянов произошло совсем буднично – прямо во время возникшей ссоры, в которую было вовлечено все немногочисленное местное население. Один из отставших румынских солдат бегал по дворам с оружием, пытаясь набрать кур в мешок. В одном из дворов завязалась драка, отчаянная женщина, как могла, отбилась от очумевшего румынского воина. Получив отпор, обезумевший солдат переключился на другую жертву: увидев коня в балке, накинулся с кулаками на хозяина, пытаясь отобрать коня. Один из местных попытался даже хитростью приструнить солдата, надев оставленную немцами какую-то нарукавную повязку: мол, я здесь представитель власти, –

и потребовал оставить людей в покое. Но в этот момент в балке неожиданно появились несколько советских солдат с командиром. В горячке спора никто не заметил, как и откуда появились бойцы. Быстро выяснив, что здесь происходит, командир отвел румынского солдата к «глинищу» (место добычи глины. – **Прим. авт.**) на краю балки и расстрелял. За мародерство. Потом здесь же, на месте расстрела, местные его и похоронили. В середине 60-х годов эта история напомнила о себе. В очередной раз копая глину для строительных работ, один из местных наткнулся на останки расстрелянного румына. Больше в этом месте глину никогда не брали...

Продолжение следует

